

Гайд-парк

Подобно всем великим путешествиям, свиданиям, походам и старту чего-то нового, Гайд-парк «начинается» на рассвете. С наступлением самого длинного уик-энда в году огромные ворота открываются, чтобы впустить угрюмое серое утро. Гайд-парк — самый известный парк в мире. Гефсиманский сад — старше, Булонский лес — больше, но только Гайд-парк напоминает огромного зеленого родителя города. Это пространство нашло отражение в городских пространствах всего мира. Везде, где строятся новые города для свободных, счастливых и к чему-то стремящихся людей, любящих культуру и отдых, — везде незримо прорастает семя Гайд-парка. Это нечто большее, чем просто зона без строений, большее, чем случайный зеленый пояс, захваченный бетонной ловушкой подобно случайному порыву ветра. Парки противостоят асфальту и кирпичу, одностороннему движению, предупредительным объявлениям в транспорте, уличному движению под прямым углом и аналитическому устройству общества. Эти места напоминают городу о том, что он есть на самом деле, из чего он вырос и к чему стремится.

По мере роста Гайд-парк становится все более похожим на выдуманную страну из детских сказок: тут есть и открытые равнины, и потайные лощины, и дикие места, и руины, и заросли, и фонтаны, и дворцы. Это самый большой туристический аттракцион Британии — ежегодно его посещает пять

миллионов человек. Здесь проводится шестьсот организованных мероприятий — начиная от политических собраний и выпускных вечеров и заканчивая «Тур де Франс» и выступлениями духовых оркестров по воскресеньям. Кроме того, это место тысяч неорганизованных мероприятий — футбольных матчей, выступлений проповедников, корпоративов, встреч одиноких сердец и оздоровительных забегов.

Я приходил в парк с детских лет. Здесь я терял игрушечные лодки, неудачно запускал бумажных змеев, играл в крикет, валялся в высокой траве с подружками, выгуливал собак, гулял с коляской и учил своих детей ездить на велосипеде. И если я и принадлежу сердцем к какому-то месту в стране, если и испытываю какую-то привязанность, так это — привязанность к этому парку. Ему и посвящена моя сегодняшняя история.

В 6:15 утра дворцовая кавалерия уже на месте и готова начать свой привычный поход к водопою. Когда-то здесь стояли военные казармы, построенные в георгианском стиле. Их классические фронтоны до сих пор торчат над воротами церемониального входа. Казармы Найтсбриджа — пожалуй, самое уродливое строение в Лондоне, на которое открывается прекрасный вид. Они были спроектированы сэром Бэзиллом Спенсом, умудрившимся достичь эффекта разорвавшейся бомбы с помощью так и не взорвавшегося бомбообразного вертикального строения. Казармы с присущей им робкой брутальностью — единственное здание, заметное с любой точки парка.

В поведении солдат, движущихся по парку, можно заметить странную смесь заторможенности, мальчишеской надоедливости и определенности, напоминающей механическую определенность роботов. Они испытывают эйфорию — для них только что закончился церемониальный год. На каникулы лошадей отправляют в Норфолк и Виндзор. Теперь на какое-то время можно будет забыть о постоянном цоканье копыт, полировке амуниции и медленном ковлянии по парку.

Кавалеристы испытывают немалые трудности, вышагивая в сапогах с широкими раструбами, куда время от времени запихивают бумажки с номерами своих телефонов хихикающие девушки-иностранки. Если вы когда-нибудь задавались вопросом о том, что происходит с тоннами лошадиного дерьма, ежедневно производимого конями королевской стражи, я вам скажу — его сгружают лопатами в специальный желоб, а затем увозят прочь на грузовиках. Куда? Как-то раз я поинтересовался у капитана, руководившего караулом. Вопрос его озадачил. «Куда-то далеко», — ответил он.

Стражник, стоявший у входа в парк, выходит на середину проезжей части, подняв высоко винтовку — это лучший способ остановить дорожное движение. И на сцене появляется воинский отряд. Копыта лошадей тихо и красиво выстукивают по камням, дополняя картину раннего и сырого утра. Мы смещаемся в восточную сторону парка, туда, где трепещет и синкопирует широкая авеню лондонских платанов, скрывающих лужайки, на которых люди занимаются поутру тайцзи и пилатесом. Их тела словно странные иероглифы напоминают фигуры с утраченных средневековых фресок, изображающих чистилище.

Если вы внимательно посмотрите на Парк-лейн, то заметите остатки земляных работ, которые проводились по приказу парламента для защиты Лондона от атак роялистов в годы гражданской войны. В XVII веке на этом месте заканчивался город.

В сотне метров от казарм офицер издает звук, похожий на всхлип человека, выходящего из наркоза, и все подразделение поворачивает взгляд влево. Они проходят мимо небольшого огороженного памятника людям, погибшим от взрыва автомобиля, в который ИРА подложила бомбу. И берут на караул. Кажется, они отдают дань памяти не только погибшим, но и доморощенному терроризму. Церемонии и воспоминания могут превратить в национальное достояние все что угодно.

Жители Западного Лондона часто просыпаются ранним утром, и им кажется, что они слышат цокот копыт, подобно предрассветному эху Киплинга. Чаще всего они поворачиваются на другой бок и продолжают смотреть свои сны о кентаврах. Путь движения кавалерии зависит от командира. Сегодня солдаты отправятся в Ноттинг-Хилл-Гейт. Они выезжают из парка через северный вход и сворачивают на небольшую боковую улочку. Там, в тупике спешиваются. Офицер занимает десятку у сержанта и собирает заказы. Пять порций кофе и три чая. Потом направляется в кафешку для рабочих, арабские владельцы которой делают ему скидку, лучезарно улыбаясь пуговицам и сапогам. Солдаты держат за уздцы лошадей, втихомолку курят в кулак и потихоньку задирают друг друга. Офицер подает им кофе. Чем-то это напоминает детство, когда ты стоишь около школьной стоянки велосипедов вместе с бандой своих дружков. Этажом выше человек раздвигает шторы, трет глаза и вновь закрывает окно. «Как-то раз, когда мы стояли здесь, — говорит капитан, — мимо нас прошел Роберт Де Ниро. Он и бровью не повел. Конечно, мы же в Лондоне. Ну что особенного в том, что кавалеристы в полседьмого утра пьют чай в районе своих конюшен в Южном Кенсингтоне».

В 7:30 у пруда Серпентайн встречаются члены клуба пловцов. Не самое хорошее утро для ныряния. Шквалистая погода заставила местных гусей сбиться в стаю в самом грязном уголке пруда. Пловцы в пруду Серпентайн представляют собой одну из тех характерных английских ассоциаций, при рассказе о которой не обойтись без слов «неустрашимость» и «эксцентричность». Члены клуба встречаются здесь с 1864 года. Эти добродушные люди кутаются в одежду, купленную не из-за стиля, а из-за долговечности и соображений бережливости. В руках они мнут полотенца, совсем не тонкие и лысеющие, как и добрая доля их хозяев.

Эти люди, стоящие на краю пруда в удручающе узких плавках Speedos и резиновых шапочках, напоминают мне черепах,

выдернутых из панцирей. Мне кажется, что каждый из них мог бы снять биографический фильм о себе, примерно такой же, как *Ealing Comedy*¹. Среди них и парламентарий, и архитектор на пенсии, и гостиничный портье, и водитель такси. Многим из них удалось переплыть Английский канал. Они плавают здесь каждую неделю, даже на Рождество. А сегодня предстоит серьезное дело, никаких брызг, никакого ныряния «бомбочкой» или надувных матрацев — их ждет соревнование. Руководитель с хорошо развитой грудной клеткой, доской для записей и секундомером запускает пловцов в воду по очереди, с достаточно большими интервалами. «Дейв, ты где? Дейв, давай в воду!» Они ныряют в серую с грязной пеной воду и принимаются махать руками. Через несколько минут вода начинает напоминать документальный фильм про движение торпеды. Клубу пловцов принадлежит небольшая раздевалка, не разделенная по половому признаку и украшенная старыми фотографиями ухмыляющихся пловцов. Раздевалка переполнена хриплым дыханием и болезненно бледными, шишковатыми телами, закутывающимися в усыпанные песком полотенца.

Снаружи происходит небольшая церемония. Победу одержал человек, которого все зовут Белка. Его добродушно поздравляют и дарят небольшой посеребренный кубок. Дама, по-видимому, миссис Белка, добродушно его поддразнивает. Кто-то кричит: «С днем рождения!» Сегодня Белке 84 года. Пловцы отправляются на завтрак, излучая сумасшедшие и бесстыдные волны бессмертия.

Серпентайн создан с помощью плотин, перегородивших Вестбурн — одну из исчезнувших лондонских рек. Пруд был построен королевой Каролиной. По крайней мере так говорят, но я сомневаюсь, что для этого она шевельнула хоть одним

¹ Комедия 2008 года. Бухгалтер Альфи Сингх хочет стать режиссером и снять фильм про бухгалтера Альфи Сингха, который хочет стать режиссером. В интернет-рейтинге IMDb фильм получил оценку 2,6 (максимальная оценка составляет 10).

пальцем. Создание этого декоративного водного сооружения потребовало специального парламентского акта и огромной суммы денег, однако в итоге получилось огромное и естественно выглядящее озеро в огромном и самом естественно выглядящем из всех природных ландшафтов во всех парках Англии. Есть еще в парке Круглый пруд, на котором безмерно увлеченные члены клубов моделирования яхт мостят себе дорогу к разводу. К всегда жившим здесь гусям не так давно добавились шипящие флотилии лебедей. Раньше на пруду жил только один лебедь, выживший из ума старый самец, не пускавший сюда никого другого. Теперь его больше нет, и сюда переместилась вся лебединая шваль.

Для большинства лондонцев Гайд-парк и Кенсингтон-Гарденс — синонимы. Они перетекают один в другой, соединенные Серпентайном. Прежде Кенсингтон-Гарденс был садом Кенсингтонского дворца, однако постепенно он стал доступен для широкой публике. Когда-то здесь ограбили Георга II. Он попросил разбойника, чтобы тот позволил ему оставить у себя печать, прикрепленную к цепочке часов. Разбойник согласился, но при условии, что король никогда и никому не расскажет об том, что смог его уговорить. Король пообещал и исполнил свое обещание. Название Роттен-Роу¹, песчаной дорожки в южной части парка, на деле представляет собой неправильное произношение французского названия *Route du Roi* (Королевская дорога). Эта дорога вела королей от Кенсингтонского дворца к Вестминстерскому. Это была первая лондонская улица, получившая централизованное освещение, — чтобы больше ни на одного монарха не ограбили в парке.

Гайд-парк Генрих VIII отобрал у Вестминстерского аббатства. Король использовал парк в качестве охотничьих угодий. Вскоре это место на окраине Лондона стало довольно оживленным — здесь собирались разбойники, обделывались

¹ «Гнилой», или «испорченный», ряд (англ.).

незаконные делишки, тут легко было снять проститутку. Эти два парка обладают совершенно разной атмосферой. Кенсингтон-Гарденс — парк вежливый и провинциальный, место выгула собак и прогулок с детской коляской. Гайд-парк — место публичное и политизированное. Именно в нем проводились марши великих реформаторов, студенческие демонстрации и поп-концерты, призванные спасти мир. Здесь есть и «дерево реформаторов»¹, и почтовое отделение — знак политических реформ, и Тайбернское дерево². Право висельников выкрикнуть свою последнюю просьбу, молитву или проклятие привело к возникновению на месте казни Уголкатораторов. Практически каждое воскресенье отсюда раздаются похожие на рэп речитативы религиозных фанатиков, избранных политиков-экстремалов или сторонников страннейших диет. Коммунисты, будто не знающие о падении Берлинской стены, и христиане, мимо которых прошли идеи Дарвина, предлагают публике своего рода кукольное представление на тему свободы слова. Они напоминают мимов, которым дали возможность говорить. Основная их аудитория — развлекающиеся туристы. Вспоминая обо всей пролитой крови и сломанных шеях — достаточно высокой цене, уплаченной за это право, ты ощущаешь, что такая свобода слова вряд ли может считаться краеугольным камнем демократии. Основы свободного общества никак не связаны с криком — они заключаются в том, чтобы заставить людей слушать.

В центре парка расположен полицейский участок со старомодным синим фонарем и красным стоячим почтовым ящиком. Королевские парки всегда стоят особняком от районов,

¹ Мозаичный монумент в память о реально существовавшем дереве, сгоревшем во время бунта 1866 года. Используется в качестве места сбора демонстрантов и собраний сторонников парламентских реформ.

² Виселица оригинальной конструкции, на которой можно было казнить одновременно несколько преступников. Официальный символ силы закона. Получило название в честь деревни Тайберн — одного из основных лондонских мест публичной казни преступников.

в которых им суждено находиться: здесь действуют свои законы и традиции, а надзор за ними осуществляет суперинтендант полиции Саймон Оуэнс, офис которого украшен стимулирующими афоризмами. Любимый его афоризм звучит так: «Самое главное — сделать самое главное самым главным». «Я говорю эту фразу по десять раз на день», — рассказывает он мне. Он очень гордится парком и тем, как над ним осуществляется полицейский контроль. По парку описывает круги специальная машина — она может оказаться в любой его точке за три-четыре минуты. Помимо пешеходных полицейских парк патрулируют полицейские на велосипедах и лошадях. В среднем в парке ежедневно фиксируется парочка инцидентов; однако уровень раскрываемости преступлений поразительно высок — 44%, что делает парк не только самым безопасным местом в округе, но и (в расчете на милю) местом самой эффективной и результативной работы полиции.

Больше всего меня удивляет, что полиция не использует принципы нулевой толерантности и в целом ведет себя достаточно ненавязчиво. «Вот смотрите, — говорит мне суперинтендант, — с учетом всех правил, в парке технически невозможно заниматься хоть какой-то деятельностью. Наша работа состоит в том, чтобы контролировать, чтобы люди делали то, что они делают, не мешая заниматься другим тем, что они хотят. Это нередко порождает конфликт интересов, столкновение различных культур. Ближневосточные семьи проводят в парке пикники, что не слишком нравится владельцам собак (ежегодно в парке фиксируется до миллиона выгулов), но самое большое количество жалоб поступает на велосипедистов. Футболисты не должны мешать выпасу кур или занятиям по капозйре; женщины в хиджабах должны уживаться с девушками, загорающими в бикини. Однако наш парк обладает каким-то чудесным свойством, заставляющим людей вести себя достойно. В мероприятиях порой участвует до десяти тысяч человек. Мы должны безопасно впустить

и выпустить их силами всего нескольких полицейских. Если бы такая толпа отправилась на футбольный матч, мне понадобилось бы не менее двух тысяч полисменов».

Парк обладает врожденным тактом и либерализмом. Это место, где люди живут и дают жить другим. А как обстоят дела с сексом? Мой собеседник откидывается в кресле. «Тут его немало. Многие приходят в парк именно ради секса. Вы заходили в Сад Роз? Это место рядом с казармами, и там уже много лет встречаются геи. Работа моих людей состоит не в том, чтобы шарить по кустам и ловить людей, занимающихся любовью. Мы отказались от этого. Если кто-то захочет уединиться за беседкой, никто не будет его преследовать. Однако, если же вы решите заняться сексом на скамейке прямо на глазах у публики, мы не оставим это без внимания. С другой стороны, геи — достаточно уязвимая группа: тут и грабежи, и гомофобное насилие, и шантаж. Многие из них женаты, поэтому им приходится делать все втихаря, но у них есть право на защиту. Поэтому мы и присутствуем в саду. Офицеры в куртках со светоотражающими полосами и фонарями патрулируют центральную дорогу. Мы здесь, чтобы защищать и геев. У них есть право пользоваться парком, как и у любого другого человека».

В парке много секса. Флиртовать и строить глазки вполне естественно, даже для подростков, пытающихся как-то справиться со своими гормонами. Вы замечаете, что парочки либо очень молоды, либо принадлежат к более чем среднему возрасту. Можно заметить много пар, состоящих из представителей разных рас, в том числе и азиатов, постоянно держащихся за руки. Эти люди больше нигде не могут найти себе столь необходимого уединения. Парк — это огромная и бесплатная кровать для всех, кому нужно место для своих напряженных усилий и дергания. Парочки напоминают спаривающихся лягушек, выброшенных на берег реки — одежда сдернута, отброшена в сторону и висит на ветках, пальцы пылко шарят по застегкам, пуговицам и крючкам бюстгалтеров, влюбленные

поглочены нескончаемым и бездумным спазмом поцелуев. А на скамейках сидят тайные любовники и неверные супруги, застенчиво делящиеся бутербродами, обменивающиеся поцелуями, поглаживаниями, объятиями и взглядами.

Каждую летнюю пятницу парк наполняется парочками, имитирующими секс, не снимая одежды, перед тем как сесть в электрички и двинуться к своим законным партнерам в пригороды. Сад Роз, ночами превращающийся в притон гомосексуалистов, днем предстает в роли прекрасного цветника, наполненного ароматными розами. Туристы сидят на скамейках, запах бродяг борется с запахом цветущих роз; семьи стоят перед грудями лепестков и улыбаются фотографу — сделанные сегодня фотографии надежно спрячутся в фотоальбомах по всему миру.

Все формальное садоводство в Гайд-парке бесконечно увлекательно. В середине парка скрывается огромная куча навоза размером с собор Святого Павла. Наряду с армией садоводов, здесь есть лесоводы и надсмотрщики за дикой природой, которые приглядывают за деревьями — 62 рода, 130 видов и 120 подвидов. Самое известное дерево в Гайд-парке — лондонский платан. Дерево не просто делится с нами кислородом — его многослойная кора поглощает загрязнения. И многие поколения детей знают, что его круглые семена — яйца, которые откладывают феи. Доминирующим видом в Кенсингтон-Гарденс является каштан. Иногда попадает шелковица. А семья киприотских женщин собирает незрелый миндаль на аллее Лаверс Уок в Гайд-парке. В разгар лета по парку течет тонкий сладкий запах, заставляющий думать, что вы идете по комнатам невидимого борделя, — это цветет лайм. Большие площади зарезервированы для выращивания вереска, дикого ячменя и луговых трав. Какая-то женщина постоянно оставляет на автоответчике менеджера парка угрожающие сообщения из-за того, что семена растений прицепляются к лапам ее собаки.

На протяжении многих лет в Гайд-парке накопилась масса безделушек, памятников, статуй, украшений и мебели, заставляющей вспомнить дома старушек. Ко всему этому относятся с уважением, а порой и с любовью. В северо-западном углу парка расположен мемориал Веллингтона, созданный из переплавленных пушек. Его строительство было оплачено женщинами Британии. Монумент представляет собой колоссальную фигуру Ахиллеса в яростной позе; как и полагается классической скульптуре, герой обнажен. Это первый обнаженный мужчина, выставленный в качестве скульптуры в Лондоне. Матери и няни из Кенсингтона были вне себя от гнева, и поэтому к скульптуре был прилеплен фиговый листок, напоминающий парковочный билет для одержимых сексом. Возможно, они были бы возмущены сильнее, если бы узнали, что Ахиллес столь разгневан из-за гибели своего бойфренда. Теперь персонаж в своих фиговых стрингах смотрит на Байрона, стоящего на другом конце Парк-лейн.

В Гайд-парке стоит каменный монолит, воздвигнутый в память о холокосте, есть и кусок гранита, подаренный благодарным народом Норвегии. Есть здесь и достаточно оригинальная статуя, отчасти послужившая источником вдохновения при создании Мемориала Родса¹ в Кейптауне, и печальный обелиск в память о Джоне Хеннинге Спике, расставшемся с жизнью, после того как ему удалось найти исток Нила. Есть здесь и Альберт в космической ракете в стиле готического возрождения, сверкающий золотом и окруженный столь прекрасными аллегориями, что переварить их не по силам ни одному серьезному немцу². Группа в углу представляет четыре континента.

¹ Сесиль Родс — английский и южноафриканский политический деятель и бизнесмен второй половины XIX века, диктатор большей части Южной Африки. Родезия (ныне разделенная между Зимбабве и Замбией) получила название именно в его честь.

² Принц Альберт, муж королевы Виктории, был родом из Баварии.

У азиатской гурии, сидящей верхом на слоне, лучшая пара каменных грудей во всем Лондоне. Перед Кенсингтонским дворцом стоят статуи Вильгельма Оранского — подарок кайзера — и королевы Виктории, которая родилась в этом дворце и жила в нем в условиях относительной (по королевским меркам) нищеты. Скульптура поставлена ее дочерью. Есть здесь и маленький терьер, стоящий у фонтанчика с питьевой водой с филейной частью, поднятой в воздух. Этот памятник — в память Эсме Перси, актера, умершего в 1957 году и забытого так быстро, словно он никогда не существовал. Насколько я смог выяснить, чаще всего он играл роли аристократов, а однажды сыграл Афи, главного евнуха в фильме 1935 года под названием «Абдул Проклятый».

Настоящим незабываемым волшебством кажется статуя Питера Пэна работы Фрэмптона — один из самых знаменитых памятников в мире. Несомненно, это самый любимый и прекрасный памятник в Лондоне. Он возник здесь буквально за ночь, был заказан и оплачен Джеймсом Барри, который и придумал Питера Пэна. Барри встретил в садах детей семейства Ллевелин Дэвис, их мать и собаку. И эта встреча вдохновила его на создание величайшей из когда-либо написанных сказок. Но Кенсингтон-Гарденс — не просто место, откуда потерянные своими няньками дети отправляются в страну Нетландию. Это и есть сама Нетландия. Кажется, что любая из сцен книги описывает именно это место. Дерево, на ветвях которого спал Питер, до сих пор живет на цветочной тропе. Статуя на берегу Лонг-Уотер, где он приземляется в птичье гнездо после своего путешествия. Питер стоит на неровном постаменте, украшенном фигурами фей и животных. Он спрятан в алькове из травы и листьев, и вы наткнетесь на него по чистой случайности.

В течение часа я сидел и смотрел за родителями, приводящими сюда своих детей. Странно, что, хотя дети с огромным удовольствием пытаются найти на постаменте фигурки

маленькой мышки и кроликов, самое большое впечатление скульптура производит именно на взрослых. Кое-кто даже пускает слезу. Этот мальчик-мужчина, играющий на дудочке и выдувающий звуки, слишком высокие и нежные для того, чтобы мы могли их услышать, постоянно напоминает родителям, что история, рассказанная Барри, — не о детях, а о взрослых. За всеми перипетиями приключений, романтики и удали кроется печальнейшая истина — мы все вырастем и то, что мы оставляем за спиной, куда более ценно, чем то, что мы приобретаем.

А еще тут есть мемориал принцессы Дианы. Удивительно, насколько естественно один памятник следует за другим. Культ мертвой Дианы добавил Кенсингтон-Гарденс миллион посетителей. Путь этих паломников часто проходит по уродливым ответвлениям на дороге, напоминающим слезливых «лежачих полицейских». Я бродил по парку годами, но до сих пор так и не знаю, куда ведут эти ответвления. Мемориал Дианы включает собой детскую игровую площадку с пиратским кораблем (иронический кивок в сторону Питера Пэна) и огромный, недружелюбный, исполненный темперамента фонтан, открытие которого вызвало потоки желчных и обидных высказываний и даже непристойных шуток¹. Однако сейчас, когда шум поутих, он выглядит достаточно шикарным и элегантно бледным. Вода катится и падает с приятным шумом, и множество людей приходит сюда, чтобы поплескаться или просто посмотреть куда-то вдаль застенчивым, скромным и загадочным взором.

Пока я стоял на краю фонтана, ко мне подошел парень в чем-то типа униформы и сказал: «Вы не можете здесь стоять. Тут можно сидеть или лежать, можно пройти в воду, но стоять здесь нельзя». Как же я могу сесть на край фонтана,

¹ Фонтан представляет собой закольцованное гранитное русло с тремя мостами-переходами к центру. С определенной долей фантазии его можно сравнить с одной из разновидностей писсуаров в общественных мужских туалетах.

перед этим не встав на него ногами? «Не знаю», — ответил он и покачал головой. Это было загадкой и для него самого. Мой собеседник оказался не преданным фонтану охранником, а уборщиком по контракту. Он работает на частную компанию, которая поддерживает работу водных потоков. Как ему работается? «Тяжело, приятель. Эту штуку нужно чистить каждый день. Он постоянно покрывается плесенью и становится скользким». Фонтан чистят ранним утром, примерно тогда, когда гвардейцы отправляются за своей чашкой кофе.

Это сооружение черпает воду из водоносного слоя глубокого залегания, и все эти галлоны воды затем перекачиваются в Серпентайн. На этапе презентации концепции и строительства горизонтальный фонтан Дианы казался чуть ли не самым глупым вариантом из всех, которые могла выбрать комиссия. Но теперь, десять лет спустя, он кажется на удивление необходимым и элегантным. Несмотря на то что поддержание его работы требует огромных усилий, и почти каждый день начинается с глубокой очистки, фонтан начинает завоевывать все больше поклонников.

Гайд-парк — также место сбора полиглотов всего мира. Здесь можно услышать любой язык и узнать привычки жителей любого уголка планеты. Парк — место, понятное любому человеку. Улицы, магазины или кофейни могут представлять для иностранцев проблему, но парк говорит сам за себя. Во время обеда люди разворачивают свои подстилки и молятся в сторону торгового центра Whiteleys, рядом с парочками, поглощающими на пару сэндвич с беконом. Филиппинские девушки подставляют лица солнцу, а маленькие шайки польских парней обсуждают свои делишки. Огромный негр из Ганы едет на роликах спиной вперед, его ноги сплетаются и расплетаются по ширине всего бульвара, а руки разлетаются в стороны, как у человека, падающего из окна.

В парке всегда присутствует какая-то грусть, неуловимая атмосфера меланхолии, перемежающаяся визгами дошкольников

и детей ясельного возраста, катающихся в твердых защитных шлемах на толстых медленных пони, или смехом группок задастых девушек с бутылками пино-гри. Парк — это именно то место, куда люди приносят свою грусть и одиночество. На каждую парочку молодых влюбленных приходится одно разбитое сердце, оставленное на одинокой скамейке; сторбленные мужчины с наморщенными лбами бесцельно бродят по дорожкам в облаках депрессии, пытаясь прийти в себя. Сумасшедшие и полоумные приходят сюда, чтобы заклинать лесных нимф и легкий ветерок. Потерявшийся в зарослях травы в северной части парка викарий с чемоданчиком и спаниелем останавливает меня и спрашивает, могу ли я напомнить ему об искупительной истине бытия. Несмотря на отчаяние, он спокоен и перегружен своими несчастьями с должной долей вежливости.

Гайд-парк, не имеющий инструкций, направления, правил или судебной власти, превратился в модель справедливого общества, люди в котором ведут себя хорошо не потому, что должны, а потому, что могут это делать. Толпы свободно приходят и уходят, постоянно сохраняя хорошее настроение. Летним субботним утром здесь может собраться до 20 000 людей, причем каждый будет вести себя вежливо и любезно. В этой эгалитарной атмосфере красоты и безопасности люди любой расы, любого возраста или социального класса могут играть, читать или закусьивать. Здесь можно делать вещи, на которые вы не осмелитесь больше нигде; парк освобождает вас от смущения или стыда; это небольшой пример либеральной уверенности в том, что при должном уровне доверия люди ведут себя воспитанно и заботливо. Парк — истинное оправдание тихой и приглаженной английской анархии. Потоки велосипедистов в час пик устремляются в сторону запада, подобно стадам флюоресцирующих гусей; к вечеру в парке становится тише; солнце балансирует на вершине шпиля аббатства Святой Марии, расположенного к югу от парка; семь цапель и лиса на

клумбе ждут, когда их придет покормить невменяемая дама с неопишуемым мешком.

Кенсингтон-Гарденс закрывается с закатом. Гайд-парк остается открытым до полуночи. Тьма ползет сквозь деревья, которые становятся ночным приютом для лис, мотыльков, нетопырей и строителей из Восточной Европы, ищущих пристанище для сна. Парк освещают фонари викторианской эпохи, источающие эфирный бледный свет. Сквозь аллеи платанов с блеском и шипением пробиваются белые и красные неоновые огни городских улиц, но здесь в жемчужно-синей тишине парка с нами остается очаровательный намек на существующую параллельно с нами Утопию, на земной Эдем.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

